

III.1.4. Н. С. Трубецкой: мистическая культурология

Кн. Н. С. Трубецкой, как и А. Дж. Тойнби, — *верующий* исследователь, и этим многое определяется. Правда, он не выпячивает свою религиозность напоказ, как К. Ясперс с его постоянными ссылками на Бога (верный признак того, что без Божьей помощи увязать свои принципы в единую теорию ему не удавалось), но и не скрывает её. Иногда это оборачивается двойным стандартом. Так, единство церкви основано не на власти одного авторитета, не на навязывании всему миру православия, а «предполагает живое общение между отдельными поместными церквями. Но это общение возможно и без культурного единства». И тут же через страницу оказывается, что католицизм, протестантизм и др. — это всё-таки «виды уклонения от христианства, которые укоренились в условиях романо-германской культуры и тесно связаны с ней» (Трубецкой 2007 {1923}: 463, 464). В этот разряд попало даже англиканство (там же), на унию которого с православием рассчитывали многие духовные деятели с обеих сторон, от Л. Кэрролла до С. Н. Булгакова. Однако важнее другое: религиозность автора *как учёного* неоднозначно отражается на его творчестве.

С этим и связан элемент иррационализма в его трудах. Иначе и не может быть, раз многое зависит от неисповедимой воли Божией. Поэтому Н. С. Трубецкой допускает, что «во многих случаях неприятие данным народом христианства имело и имеет свои глубокие, быть может, мистическо-провиденциальные причины» (Трубецкой 2007 {1923}: 464).

С другой стороны, «личность неразложима и неповторима, а потому не может быть вполне познана средствами человеческого рассудка» (Трубецкой 2007 а {1927}: 153). Однако наука о личности («персонология»), по мысли автора, должна стоять в центре всех антропологических дисциплин (: 153—157). Заметим во избежание путаницы, что под «антропологией» князь Трубецкой, как и было принято в его время, понимает только физическую антропологию, поэтому для всего комплекса наук о человеке ему нужно другое название. Так или иначе, если главный объект гуманитарного знания мы признаём не вполне познаваемым, выводы в мистическом духе напрашиваются сами собой.

И тем не менее дальше мы увидим, что в других случаях именно религиозность сослужила автору хорошую службу. Благодаря ей кн. Трубецкой избежал некоторых других черт исторического мифа, которые мы обнаружим у его неверующих коллег по мифологическому «цеху».

III.1.5. В. Н. Дёмин: снова космизм

В. Н. Демин, судя по его тексту, не считал себя иррационалистом. Как и Л. Н. Гумилёв, он был приверженцем русского космизма (докторскую диссертацию ему посвятил), допускающего как рационалистическое, так и иррационалистическое толкование. Однако онтологическую основу своих взглядов он изложил в «*Приложении 3*» («*Мир наизнанку*») к «*Тайнам русского народа*» (Дёмин 1997: 512—537). И основа эта чрезвычайно путана. В его рассуждениях о «флуктуациях» не удаётся обнаружить положительного смысла:

«Кстати, вакуумная среда изначально содержит в себе алгоритм воскрешения, так волновавшего Фёдорова, ибо квант физического вакуума есть не что иное, как материальная флуктуация, которая попеременно — то возникает, то исчезает, то есть по существу непрерывно воскрешается в физическом смысле данного понятия»; «Об-

разование флуктуационной системы происходит в том случае, когда “сгущение” одной флуктуации переходит в “разряжение” другой (соседней) флуктуации, а “сгущение” последней переходит в “разряжение” первой. Это — наипростейший пример образования возможной флуктуационной системы. Однако, скорее всего, первичная флуктуационная система образуется не из 2-х, а из 3-х флуктуаций, так как для взаимного замещения “сгущений” и “разряжений” необходимо некоторое “жизненное пространство”. Другими словами, взаимопереход легче осуществим, если взаимодействуют не две, а три флуктуации»; «Почему же безмозглый вакуум с его хаотичным кипением флуктуаций порождает разумную жизнь? Ключ к разгадке содержится в правильном понимании сути размножения и развития живого из слияния двух половых клеток!» (Дёмин 1997: 513, 514, 518).

Эти и подобные им пассажи избавляют от необходимости вникать в подробности авторской аргументации. Если она рациональна, что же тогда иррационально?

Впрочем, как выясняется дальше, свою физическую картину мира В. Н. Дёмин (сам не будучи физиком) во многом заимствовал у авторов скандально известной «теории торсионных полей». Только их эксперименты он признаёт, только их не причисляет к ненавистной «официозной науке» и не обвиняет в «ползучем эмпиризме» (Дёмин 1997: 186, 531). Между тем об «экспериментах» А. Е. Акимова и Г. И. Шипова с «торсионными полями» (они же в разное время — «спинорные» и «микрелептонные»), а также о возникавших вокруг них скандалах, начиная с 1991 г., уже высказалась РАН в лице академиков Е. Б. Александрова, Э. П. Круглякова, Нобелевского лауреата по физике В. Л. Гинзбурга, и не философу тягаться с ними на их же поле. Пусть читатель — не физик, пусть он не может своими силами разобраться, дополнил ли Г. И. Шипов Эйнштейна или нет. Но когда он узнаёт, что ни один эксперимент по обнаружению торсионных полей не дал убедительного результата, что одна и та же идея, не будучи доказанной перед лицом одной научной инстанции, тут же предлагается в другую со сменой одного лишь ярлыка, что продвигать идею, отвергаемую Академией наук, пытаются через внеакадемические органы, включая органы власти (что равносильно классическим жалобам с просьбой «принять соответствующие меры»), что в этом деле постоянно совершались нарушения научной этики и даже доказанные аферы (см. материалы обсуждения на заседании Президиума РАН 27 мая 2003 г. — Кругляков 2003, а также: Гинзбург 2003), — как-то нет нужды разбираться, есть ли и вправду во всём этом жемчужное зерно. Люди, уверенные в своей правоте, так себя не ведут: они полагаются на способность истины защитить себя самоё.

III.1.6. Г. Вирт: «закон Вральды»

Наконец, Г. Вирт сам постоянно подчёркивал свой мистический настрой. Его текст буквально пестрит словом «мистика» во всех видах и ссылками на рунологию — не на исследование рунической письменности (что в науке было бы законно), а на раскрытие «тайного смысла» рунических знаков. В самой «*Ура Лунде*» упоминания бога и его закона постоянны, но сам этот бог обозначается только одним эпитетом — *Wralda* (немецкое *Uralte* ‘Предвечный’).

При этом составитель «*Ура Лунды*» признаёт, что его текст тёмнен, но прибегает к испытанному приёму — ссылке на некомпетентность и злонамеренность переписчиков, «теории заговора»: «все эти финны, тирцы и крекаландцы [греки]. <...>